

Польское государство и шляхта в изображении еврейских хроник XVII века эпохи Хмельнитчины.

Научный руководитель – Борисёнок Юрий Аркадьевич

Лейдерман Ася Леонидовна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра истории южных и западных славян, Москва, Россия

E-mail: leiderman.asya@yandex.ru

Евреи в Речи Посполитой составляли отдельное сословие с собственным правовым статусом и судебной системой. Польша того времени называется раем для евреев («Paradisus Judaeorum»), но золотой век польского еврейства закончился вместе с восстанием Хмельницкого, в ходе которого по приблизительным оценкам 150 тысяч евреев были убиты или угнаны в рабство[3]. Катастрофа польского еврейства нашла быстрый отклик в работах современников: первая еврейская хроника, посвящённая событиям восстания Хмельницкого, выходит уже спустя 2 года после его начала, в 1650 году. Именно еврейские хроники XVII века, возникшие вскоре после завершения восстания, и стали основными источниками нашего исследования. Мы опирались на еврейские хроники XVII века, собранные, прокомментированные и переведённые С. Я. Боровым: хроника Натана Ганновера «Пучина бездонная» («Jawen Mezulah»)[4], хроника Мейера из Щебржешина «Тяготы времён» («Zojk haitim»)[2] и «Послание» («Megilah»)[6] Саббатая Гакогена.

Целью создания хроник стало увековечение бедствий, пережитых евреями во время Хмельнитчины. Однако основная ценность хроник состоит даже не столько в том фактографическом материале, который они транслируют, сколько в рецепции, в восприятии образов произошедших событий.

Проблемой нашего исследования и стало изучение сложившегося в еврейских хрониках XVII века образа Польского государства и шляхты. В ходе работы было исследовано, как еврейскими хронистами воспринимались польская королевская власть, полководцы и шляхетское войско, и какую характеристику в хрониках получили польско-еврейские отношения во время восстания.

В результате работы мы пришли к следующим выводам:

Еврейские хронисты относятся с большим пиететом к институту польской королевской власти. Короли предстают исключительно в положительном свете, им приписывается ряд характеристик, призванных вызвать у читателей симпатию. Однако вряд ли эти хвалебные отзывы являлись чем-то большим, чем выражение отношения подданного к правителю[5]. Одной из наиболее важных характеристик, которыми еврейские хронисты наделяют того или иного политического деятеля, является его отношение к евреям. Выстраивается подобная концепция: если король/полководец хорошо относился к евреям, то в еврейских хрониках он будет описан как мудрый и талантливый политический деятель; если же человек, напротив, участвовал в убийствах и грабежах евреев, то все его поступки будут описаны в самых тёмных красках. Часто оценку того или иного деятеля еврейским хронистом можно определить по благословениям, указываемых после его имени («да будет стёрто имя его»/ «да увеличится его слава»).

Еврейские хронисты в целом не скрывают своих симпатий или антипатий к тому или иному военному деятелю. Особой положение в хрониках занимает фигура князя Иеремии Вишневецкого, описываемого как бесстрашного, мудрого полководца, ожесточённо

борющегося с восстанием, отвергающего всякие компромиссы с казаками и, что ещё более важно, защищающего еврейское население. Все остальные полководцы описываются либо весьма нейтрально (князь Радзивилл, который также помогал еврейскому населению в ходе восстания и имел бы все шансы привлечь симпатию авторов, поскольку в его позиции было так много схожего с позицией Вишневецкого[1]), либо испепеляюще отрицательно, как гетман Доминик, основной политический соперник Вишневецкого, который считал возможным достижения соглашения с Хмельницким, что означало бы ещё большие потери еврейского населения.

Паны, польское шляхетское войско, получили в еврейских хрониках хлётскую оценку. Авторы подмечают и их трусость, и излишнюю самоуверенность, и ту медлительность, с которой они обычно собирались в поход. Всё это в конечном итоге приводило к поражениям польского войска на поле боя, несмотря на то, что шляхта была намного лучше обучена военному делу и имела лучшее вооружение, чем восставшие.

Участь и евреев, и поляков, попадавших в руки восставших, была одинаково незавидна: казаки ненавидели всех и безжалостно расправлялись с ними. В еврейских хрониках подчёркивается общность польских и еврейских судеб, вызванную внешней опасностью. Евреи и поляки часто объединялись для совместной обороны. Но это был вынужденный союз, союз по расчёту, который зачастую нарушался поляками, когда угроза жизни отходила. Это не укрывается от еврейских хронистов, однако они печально констатируют, что иных союзников, кроме ненадёжных поляков, у евреев не было.

Таким образом, польское государство и шляхта воспринимаются в еврейских хрониках XVII века в качестве вынужденного соседа: к нему относятся лояльно, понимая, что иного выбора нет, однако без особой теплоты, замечая все промахи и ошибки. Не случайно ни один поляк не описан положительно, кроме князя Вишневецкого, действительно способствовавшего спасению многих евреев во время Хмельнитчины, и королей, к которым *было принято* относиться уважительно.

Источники и литература

- 1) Боровой С. Я. Классовая борьба на Украине XVII века в свете современных еврейских хроник // Еврейские хроники XVII столетия (эпоха «хмельничины»). М., 1997. С. 11-81.
- 2) Мейер из Щебржешина. Тяготы времён // Еврейские хроники XVII столетия (эпоха «хмельничины»). М., 1997. С. 153-180.
- 3) Михаловска-Мычельска А. Правовое положение евреев в Речи Посполитой в XVI–XVIII веках // Judaic-slavic journal. 2020. № 1 (3). С. 19-50.
- 4) Натан Ганновер. Пучина Бездонная // Еврейские хроники XVII столетия (эпоха «хмельничины»). М., 1997. С. 81-138.
- 5) Раба Й. Поколение, видевшее бездну // Еврейские хроники XVII столетия (эпоха «хмельничины»). М., 1997. С. 251-279.
- 6) Саббат Гакоген. Послание // Еврейские хроники XVII столетия (эпоха «хмельничины»). М., 1997. С. 183-191.